

И.О. Родин, Т.М. Пименова

Обломов

Краткое содержание

Часть 1

На Гороховой улице в одном из больших домов живет Илья Ильич Обломов.

«Это был человек лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, но с отсутствием всякой определенной идеи, всякой сосредоточенности в чертах лица. Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала в глазах, садилась на полуотворенные губы, пряталась в складках лба, потом совсем пропадала, и тогда во всем лице теплился ровный свет беспечности... На нем был халат из персидской материи, настоящий восточный халат, без малейшего намека на Европу, без кистей, без бархата, без талии, весьма поместительный, так что и Обломов мог дважды завернуться в него... Лежанье у Ильи Ильича не было ни необходимостью, как у больного или как у человека, который хочет спать, ни случайностью, как у того, кто устал, ни наслаждением, как у лентяя: это было его нормальным состоянием... Комната, где лежал Илья Ильич, с первого взгляда казалась прекрасно убранною... Но опытный глаз человека с чистым вкусом одним беглым взглядом на все, что тут было, прочел бы желание только кое-как соблюсти *decorum* неизбежных приличий, лишь бы отделаться от них... По стенам, около картин, лепилась в виде фестонов паутина, напитанная пылью; зеркала вместо того чтоб отражать предметы, могли бы служить скорее скрижалями для записывания на них, по пыли, каких-нибудь заметок на память...

Ковры были в пятнах. На диване лежало забытое полотенце; на столе редкое утро не стояла не убранная от вчерашнего ужина тарелка с солонкой и с обглоданной косточкой да не валялись хлебные крошки».

Обломов находится в дурном расположении духа, так как получил из деревни письмо от старосты, который жалуется на засуху, неурожай и в связи с этим сокращает объем денег, отсылаемых барину. Обломов тяготеет, что теперь придется думать еще и об этом. Получив несколько лет назад подобное письмо, он начал было придумывать план всевозможных усовершенствований и улучшений в своем поместье. Так это с тех пор и тянется. Обломов думает встать и умыться, но потом решает сделать это попозже. Зовет Захара. Захар — слуга Обломова, крайне консервативен, носит такой же костюм, что носил и в деревне, — серый сюртук. «Дом Обломовых был когда-то богат и знаменит в своей стороне, но потом, бог знает отчего, все беднел, мельчал и, наконец, незаметно потерялся между нестарыми дворянскими домами. Только поседевшие слуги дома хранили и передавали друг другу верную память о минувшем, дорожа ею, как святынею».

Обломов упрекает Захара за неряшливость и лень, за то, что он не убирает пыли и грязи. Захар возражает, что «чего ее убирать, если она снова наберется» и что клопов и тараканов не он выдумал, они у всех есть. Захар плутоват, присваивает сдачу с покупок, но только медные деньги, так как «потребности свои измерял медью». Он постоянно препирается с барином из-за всякой мелочи, прекрасно зная, что тот не выдержит и махнет на все рукой. «Слуга старого времени удерживал, бывало, барина от расточительности и невоздержания, а Захар сам любил выпить с приятелями на барский счет; прежний слуга был целомудрен, как евнух, а этот все бегал к куме подозрительного свойства. Тот крепче всякого сундука сбережет барские деньги, а Захар норовит усчитать у барина при какой-нибудь издержке гривенник и непременно присвоит себе лежащую на столе медную гривну или пятак». Несмотря на все это, он был глубоко преданный своему барину слуга. «Он бы не задумался сгореть или утонуть за него, не считая этого подвигом, достойным удивления или каких-нибудь наград». Они давно знали друг друга и давно жили вдвоем.

Захар нянчил маленького Обломова на руках, а Обломов помнит его «молодым, проворным, прожорливым и лукавым парнем». «Как Илья Ильич не умел ни встать, ни лечь спать, ни быть причесанным и обутом, ни отобедать без помощи Захара, так Захар не умел представить себе другого барина, кроме Ильи Ильича, другого существования, как одевать, кормить его, грубить ему, лукавить, лгать и в то же время внутренне благоговеть перед ним».

К Обломову приходят посетители, рассказывают о своей жизни, о новостях, зовут Обломова на первомайские гулянья в Екатеринбург. Тот отнекивается, ссылаясь то на дождь, то на ветер, то на дела. Первый из посетителей — Волков, «молодой человек лет двадцати пяти, блестящий здоровьем, с смеющимися щеками, губами и глазами». Он рассказывает о визитах, о новом фраке, о том, что влюблен, что ездит в разные дома на «среды», «пятницы» и «четверги», хвастает новыми перчатками и т. д.

Следующим приходит Судьбинский, с которым Обломов служил канцелярским чиновником. Судьбинский сделал карьеру, получает большое жалованье, весь в делах, скоро будет представлен к ордену, собирается жениться на дочери статского советника, в приданое берет 10 тысяч, казенную квартиру в 12 комнат и т. д.

Следующим приходит «худощавый, черненький господин, заросший весь бакенбардами, усами и эспаньолкой. Он был одет с умышленной небрежностью». Фамилия его — Пенкин, он сочинитель. Пенкин интересуется, не читал ли Обломов его статью «о торговле, об эмансипации женщин, о прекрасных апрельских днях, о вновь изобретенном составе против пожаров». Пенкин ратует за «реальное направление в литературе», написал рассказ о том, «как в одном городе городничий бьет мещан по зубам», советует прочесть «великолепную вещь», в которой «слышится то Дант, то Шекспир» и автор которой бесспорно велик — «Любовь взяточника к падшей женщине». Обломов относится к его словам скептически и говорит, что не станет читать. На вопрос Пенкина, что он читает, Обломов отвечает, что «больше все путешествия».

Входит следующий гость — Алексеев, «человек неопределенных лет, с неопределенной физиономией... Его многие называли Иваном Ивановичем, другие — Иваном Васильевичем, третьи — Иваном Михайловичем... Присутствие его ничего не придаст обществу, так же как отсутствие ничего не отнимет от него... Если при таком человеке подадут другие нищему милостыню — и он бросит ему свой грош, а если обругают, или прогонят, или посмеются — так и он обругает и посмеется с другими... В службе у него нет особенного постоянного занятия, потому что никак не могли заметить сослуживцы и начальники, что он делает хуже, что лучше, так, чтоб можно было определить, к чему именно он способен... Встретится ему знакомый на улице. «Куда?» — спросит. «Да вот иду на службу, или в магазин, или проведать кого-нибудь». «Пойдем лучше со мной, — скажет тот, — на почту, или зайдем к портному, или прогуляемся», — и он идет с ним, заходит и к портному, и на почту, и прогуливается в противоположную сторону от той, куда шел».

Всем гостям Обломов пытается пожаловаться на свои «две беды» — на деревенского старосту и на то, что его заставляют под предлогом ремонта съезжать с квартиры. Но никто не хочет слушать, все заняты своими делами.

Приходит следующий посетитель — Тарантьев, «человек ума бойкого и хитрого; никто лучше его не рассудит какого-нибудь общего житейского вопроса или юридического запутанного дела: он сейчас построит теорию действий в том или другом случае и очень тонко подведет доказательства, а в заключение еще почти всегда наругает тому, кто с ним о чем-нибудь посоветуется. Между тем сам, как двадцать пять лет назад определился в какую-то канцелярию писцом, так в этой должности и дожил до седых волос. Ни ему самому и никому другому и в голову не приходило, чтобы он пошел выше. Дело в том, что Тарантьев был мастер только говорить...»

Двое последних гостей ходили к Обломову «пить, есть, курить хорошие сигары». Однако из всех своих знакомых Обломов больше всего ценил Андрея Ивановича

Штольца. Обломов сетует, что Штолец сейчас в отъезде, иначе он бы все его «беды» очень быстро рассудил.

Тарантьев ругает Обломова, что он «дрянь курит», что у него нет к приходу гостей мадеры, что он все лежит. Взяв у Обломова денег якобы для покупки мадеры, тотчас про это забывает. На жалобы Обломова о старосте говорит, что староста мошенник, чтобы Обломов поезжал в деревню и сам навел порядок. На известие о том, что Обломову нужно съезжать с квартиры, предлагает переехать к своей куме, тогда «я каждый день буду к тебе заглядывать». О Штольце Тарантьев отзывается злобно, ругает «немцем проклятым», «шельмой продувной». «Вдруг из отцовских сорока сделал тысяч триста капитала, и в службе за надворного перевалился, и ученый... теперь вон еще путешествует!.. Разве настоящий-то русский человек станет все это делать? Русский человек выберет что-нибудь одно, да и то еще не спеша, потихоньку да полегоньку, кое-как, а то на-ко, поди!»

Гости уходят, Обломов погружается в задумчивость. Обломов безвыездно живет двенадцатый год в Петербурге. Раньше он был «еще молод, и если нельзя сказать, чтоб он был жив, то по крайней мере живее, чем теперь; еще он был полон разных стремлений, все чего-то надеялся, ждал многого и от судьбы, и от самого себя; все готовился к поприщу, к роли — прежде всего, разумеется, в службе, что и было целью его приезда в Петербург. Потом он думал и о роли в обществе; наконец, в отдаленной перспективе, на повороте юности к зрелым летам, воображению его мелькало и улыбалось семейное счастье. Но дни шли за днями... а он ни на шаг не продвинулся ни на каком поприще и все еще стоял у порога своей арены, там же, где был десять лет назад. Но он все собирался и все готовился начать жизнь, все рисовал в уме узор своей будущности; но с каждым мелькавшим над головой его годом должен был что-нибудь изменять и отбрасывать в этом узоре. Жизнь в его глазах разделялась на две половины: одна состояла из труда и скуки — это у него были синонимы; другая — из покоя и мирного веселья... Будущая служба представлялась ему в виде какого-то семейного занятия, вроде, например, ленивого записывания в тетрадку прихода и расхода, как дельвал его отец. Он полагал, что чиновники одного места составляли между собою дружную, тесную семью, неусыпно пекущуюся о взаимном спокойствии и удовольствиях, что посещение присутственного места отнюдь не есть обязательная привычка, которой надо придерживаться ежедневно, и что слякоть, жара или просто нерасположение всегда будут служить достаточными и законными предлогами к нехождению в должность. Но как огорчился он, когда увидел, что надобно быть по крайней мере землетрясению, чтоб не прийти здоровому чиновнику на службу... Все это навело на него страх и скуку великую. «Когда же жить? Когда жить?» — твердил он».

Обломов прослужил кое-как два года, потом отправил депешу вместо Астрахани в Архангельск. Боясь ответственности, Обломов ушел домой и прислал медицинское свидетельство о болезни. Понимая, что рано или поздно придется «выздороветь», подает в отставку.

С женщинами Обломов не общается, так как это влечет за собой хлопоты. Он ограничивается «поклонением издали, на почтительном расстоянии». «Его почти ничто не влекло из дома, и он с каждым днем все крепче и постояннее водворялся в своей квартире. Сначала ему тяжело стало пробыть целый день одетым, потом он ленился обедать в гостях, кроме коротко знакомых, больше холостых домов, где можно снять галстук, расстегнуть жилет и где можно даже «повалиться» или соснуть часок. Вскоре и вечера надоели ему: надо надевать фрак, каждый день бриться... Несмотря на все эти причуды, другу его, Штольцу, удавалось вытаскивать его в люди; но Штолец часто отлучался из Петербурга в Москву, в Нижний, в Крым, а потом и за границу — и без него Обломов опять ввергался весь по уши в свое одиночество и уединение, из которого его могло вывести только что-нибудь необыкновенное». «Он не привык к движению, к жизни, к многолюдству и суете. В тесной толпе ему было душно; в лодку он садился с неверною

надеждой добраться благополучно до другого берега, в карете ехал, ожидая, что лошади понесут и разобьют».

Учился Илюша, как и другие, до пятнадцати лет в пансионе. «Он по необходимости сидел в классе прямо, слушал, что говорили учителя, потому что ничего другого делать было нельзя, и с трудом, с потом, со вздохами выучивал задаваемые ему уроки... Серьезное чтение утомляло его». Мыслителей Обломов не воспринимает, только поэтам удалось расшевелить его душу. Книги ему дает Штольц. «Оба волновались, плакали, давали друг другу торжественные обещания идти разумною и светлою дорогою». Но тем не менее во время чтения, «как ни интересно было место, на котором он (Обломов) останавливался, но если на этом месте заставал его час обеда или сна, он клал книгу переплетом вверх и шел обедать или гасил свечу и ложился спать». В результате «голова его представляла сложный архив мертвых дел, лиц, эпох, цифр, религий, ничем не связанных политико-экономических, математических или других истин, задач, положений и т. п. Это была как будто библиотека, состоящая из одних разрозненных томов по разным частям знаний».

«Случается и то, что он исполняется презрения к людскому пороку, ко лжи, к клевете, к разлитому в мире злу и разгорится желанием указать человеку на его язвы, и вдруг загораются в нем мысли, ходят и гуляют в голове, как волны в море, потом вырастают в намерения, зажгут всю кровь в нем... Но, смотришь, промелькнет утро, день уже клонится к вечеру, а с ним клонятся к покою и утомленные силы Обломова».

К Обломову приходит доктор, осматривает и говорит, что от лежания и жирной пищи его года через два-три хватит удар, советует ехать за границу. Обломов в ужасе. Доктор уходит, Обломов остается думать о своих «несчастьях». Засыпает, ему снится сон, в котором перед ним проходят все этапы его жизненного пути.

Вначале Илье Ильичу снится пора, когда ему всего семь лет. Он просыпается в своей постельке. Няня одевает его, ведет к чаю. Весь «штат и свита» дома Обломовых тут же подхватывают его, начинают осыпать ласками и похвалами. После этого начиналось кормление его булочками, сухариками и сливочками. Потом мать, приласкав его еще, «отпускала гулять в сад, по двору, на луг, с строгим подтверждением няньке не оставлять ребенка одного, не допускать к лошадям, к собакам, к козлу, не уходить далеко от дома, а главное, не пускать его в овраг, как самое страшное место в околотке, пользовавшееся дурною репутацией». День в Обломовке проходит бессмысленно, в мелочных заботах и разговорах. «Сам Обломов-старик тоже не без занятий. Он целое утро сидит у окна и неукоснительно наблюдает за всем, что делается на дворе... И жена его сильно занята: она часа три толкует с Аверкой, портным, как из мужниной фуфайки перешить Илюше курточку, сама рисует мелом и наблюдает, чтобы Аверка не украл сукна; потом перейдет в девичью, задаст каждой девке, сколько сплести в день кружев; потом позовет с собой Настасью Ивановну, или Степаниду Агаповну, или другую из своей свиты погулять по саду с практической целью: посмотреть, как наливается яблоко, не упало ли вчерашнее, которое уж созрело... Но главную заботою была кухня и обед. Об обеде совещались целым домом». После обеда все спят. Кучер спит на конюшне, садовник — под кустом в саду, кое-кто из свиты — на сеновале и т. д.

Следующая пора, которая снится Обломову, — он немного старше, и няня рассказывает ему сказки. «Взрослый Илья Ильич хотя после и узнает, что нет медовых и молочных рек, нет добрых волшебниц, хотя и шутит он с улыбкой над сказаниями няни, но улыбка эта неискренняя, она сопровождается тайным вздохом: сказка у него смешалась с жизнью, и он бессильно грустит подчас, зачем сказка не жизнь, а жизнь не сказка... Его все тянет в ту сторону, где только и знают, что гуляют, где нет забот и печалей; у него навсегда остается расположение полежать на печи, походить в готовом, незаработанном платье и поесть на счет доброй волшебницы».

Жизнь в Обломовке вялая, крайне консервативная. Илюшу лелеют, «как экзотический цветок в теплице», «Ищущие проявления силы обращались внутрь и никли,

увядая». Родители «мечтали о шитом мундире для него, воображали его советником в палате, а мать даже и губернатором; но всего этого хотелось бы им достигнуть как-нибудь подешевле, с разными хитростями обойти тайком разбросанные по пути просвещения и честей камни и преграды, не трудясь перескакивать через них, то есть, например, учиться слегка, не до изнурения души и тела, не до утраты благословенной, в детстве приобретенной полноты, а так, чтоб только соблюсти предписанную форму и добыть как-нибудь аттестат, в котором бы сказано было, что Илюша прошел все науки и искусства».

Захар будит Обломова. Приехал Штольц.